

<http://old.t-i.ru/article/13379/>

тЮМЕНСКИЕ **изВестия**
парламентская газета

21.12.2009 Ирина Тарабаева

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ: «Я ПРЕДПОЧИТАЮ ПОЛЁТНОЕ ПЕНИЕ...»

В Тюмени побывал знаменитый певец, обладатель изысканного баритона Дмитрий Хворостовский. Вместе с академическим большим хором «Мастера хорового пения» (п/у Льва Конторовича) он выступил на сцене зала им.Ю.Гуляева.

Артист привез в наш город новую программу «Шедевры вокальной музыки с Дмитрием Хворостовским», в которую вошли духовные и классические произведения. Привыкший к самым непростым условиям работы в разных уголках мира, певец за несколько часов до выхода на сцену согласился поговорить с журналистами. Хворостовский сразу пояснил: все, что он будет исполнять в Тюмени, ему уже довелось показать в США и Европе. И публика тепло приняла предложенный ей музыкальный срез, в том числе и духовные произведения. По мнению Хворостовского, духовная музыка трогает души как русских, так и нерусских людей, как верующих, так и неверующих. Сам артист относит себя к атеистам. При этом уверяет, что эта музыка очень ему близка, и он пропускает ее через свое сердце.

— Дмитрий Александрович, сколько времени вам требуется, чтобы найти понимание с залом? — поинтересовались у артиста служители пера и микрофона.

— Это зависит как от состояния публики, так и от моего состояния, а также от других внешних обстоятельств. Бывает, что понимание так и не находится. Какими-то специальными приемами завоевания публики я не владею. Просто каждый раз выхожу на сцену, как на исповедь или как... на бой.

— Поклонники вам не докучают?

— Русские зрители, где бы они ни находились, всегда идут к сцене, несут цветы, просят автограф. Конечно, такое не практикуется на классических концертах. Зарубежные зрители смотрят на них, как на инопланетян. За границей такое поведение не принято. Мало того, на классических концертах даже

аплодировать между номерами, когда исполняются циклы произведений, не рекомендуется. А русские устраивают овации.

— В интервью газете «Известия» два года назад вы говорили об одном из своих проектов. И сказали такую фразу: «Вот на этом можно было бы поставить эффектную точку в карьере». Неужели собираетесь покинуть сцену?

— Я такого не говорил! Мне еще минимум 20 лет надо работать, чтобы поднять моих детей.

— Еще в одном интервью вы сказали, что необходимо искать новые подходы, чтобы опера не превратилась в музейный жанр. Какие, например?

— А опера и так музейный жанр. Но ведь ничего плохого в музее нет. Я считаю, что все лучшее в опере уже давно написано. А то, что пишут сейчас, — это либо копирование оперных канонов, либо музыка современного языка, которая предполагает другой стиль пения. Я считаю, что современная опера портит голоса. Делает их форсированными, некрасивыми. Уплотненная палитра оркестра призывает эти голоса кричать, использовать неточные интонации. И они скрипят, звучат неблагозвучно. Я же предпочитаю красивое полётное пение. Экспрессивное, но не форсированное. С другой стороны, классическая опера может быть интересна и в неклассической постановке в нетрадиционном театре, в ее сближении с кинематографом, с телевидением. За этим будущее.

— Дмитрий Александрович, в молодости вы были учителем пения. Для вас это боковая ветвь биографии?

— Я был учителем музыки. От педучилища проходил практику в детском саду. Два-три раза в неделю занимался с детьми. Играл марши во время утренней гимнастики. Потом практиковался в школе, где преподавал музыку. Вел занятия вокальных ансамблей и хора. Было очень интересно.

— Насколько вас привлекает участие в оперных спектаклях?

— Оперный певец — моя профессия. Благодаря опере я живу и совершенствуюсь. Для меня это лаборатория, где я провожу эксперименты, вынося их результаты на концертную сцену. Это еще и незаменимая практика актерской игры. Я стараюсь участвовать в оперных спектаклях как можно чаще. Однако у меня есть интерес и к другим жанрам, к концертной деятельности.

— Как складываются ваши отношения с режиссерами? Порой среди них встречаются те, кто заставляет вставать на голову и петь в таком положении...

— Ну и прекрасно! Было бы интересно висеть вверх ногами и петь (смеется. — **Авт.**) Я не преувеличиваю. Мне нравится работать с талантливыми режиссерами. Когда есть возможность научиться чему-то новому — здорово! Можно спорить и не соглашаться с режиссерами. Это нормально. В спорах, как правило, рождаются небанальные решения.

— Дмитрий Александрович, когда и где в ближайшее время вас можно будет увидеть в роли Онегина?

— Скоро я буду петь Онегина в Вене. Кто будут мои партнеры? Понятия не имею. В немецких и австрийских театрах артисты иногда встречаются уже на сцене. «Привет! Ты кто?» «Я — Татьяна!» Вот такие ситуации бывают. Артисту дают всего два-три дня на репетиции в студии. Конечно, перед выступлением ему показывают «географию» спектакля, чтобы он не наталкивался на хористов, например. А все остальное зависит только от него.

— Вместе с Игорем Крутым вы подготовили необычный проект «Дежавю», объединивший ваш неповторимый голос, современную музыку и лирику. Уже состоялись концерты в Киеве, Москве. Будет ли этот проект реализовываться в дальнейшем?

— Конечно. 6 марта состоится концерт в Нью-Йорке. Почти все билеты на него уже проданы. Предполагаю, что будет большой наплыв русской публики. Весь Брайтон-Бич придет. Жду я и американских зрителей, которые меня знают. Безусловно, среди тех, кому интересен этот проект, много ценителей творчества Игоря Крутого. Для меня же участие в «Дежавю» — еще одна возможность найти своего слушателя и, может быть, посредством современной музыки привлечь молодежь к классике.

— Если верить интернет-изданиям, вы долго не соглашались сотрудничать с Игорем Крутым...

— Нет, после нескольких месяцев нашего знакомства я сам ему предложил сотрудничество. Случилось это после того, как он показал мне песню, написанную им на стихи Кайсына Кулиева. Прекрасная вещь! Подумав, я предложил Игорю сочинить что-нибудь и для меня. Так родился этот проект. Сначала мы записали его демо-версию. Нот не было. Игорь любит говорить: «Ноты — это враги наши». Сам он напевает свои мелодии без слов, используя совершенно неповторимый, только ему присущий слог: «Ва-да-да-пе, ва-да-па-да-фе...» Мы эти песни так и называли: «Вадада» или «Вадафе». Я запоминал музыку, потом учил тексты, и мы записывали. Через некоторое время мне начинало что-то не нравиться. Видите ли, я человек сомневающийся. Вот и просил Игоря переделать то одно, то другое. Он не соглашался. Тоже человек упрямый. В результате появлялись трения, споры. Но в целом у нас была прекрасная работа...

— Дмитрий Александрович, у наших историков есть предположение, что ваши предки когда-то жили на тюменской земле... На Текутьевском кладбище в Тюмени найдена плита с именем вашего однофамильца.

— Возможно, это действительно однофамилец. Всех своих родственников я знаю. Они жили и живут на Украине, в Беларуси, в Чикаго, Москве, Красноярске. Корни Хворостовских на Украине. Дедушка мой Степан Иванович был заместителем начальника Восточно-Сибирской железной дороги и работал в разных городах Советского Союза. После войны его отправили из Перми в Красноярск. Там он и обосновался вместе с бабушкой. Я — коренной сибиряк. Родился в Красноярске и выучился там.

— Чем занимаются ваши дети? Какое воспитание вы им даете?

— Они занимаются музыкой. Это мое основное требование к ним. К тому же у детей для этого есть все данные. У двухлетней Ниночки и у тринадцатилетнего Дани абсолютный слух. Старшие дети получили хорошее образование и продолжают заниматься фортепиано, поют в хоре русской церкви в Лондоне. Для них обязательно знание русского языка, чтение русской литературы. Младшие тоже говорят по-русски. Вообще, мои дети могут общаться на трех языках: русском, английском и французском.

— Фамилия заставляет детей как-то строже к себе относиться?

— Она доставляет им одни неудобства, потому что никто эту фамилию произнести не может. Знаете, в первые годы зарубежной карьеры мне хотелось поменять ее на какую-нибудь другую из трех-четырех букв. К счастью, я этого не сделал.